

СОФИЙНАЯ ТРАДИЦИЯ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ И КУЛЬТУРЕ*М. Н. Громов*

Работа выполнена по гранту РГНФ 11-03-00501а

Не случаен возрастающий интерес к одной из доминант нашей культуры — к возвышенному образу Святой Софии Премудрости Божией, который связует сакральное с эстетическим, премудростное с нравственным, эзотерическое с яркой выразительностью, сокровенное с понятными для всего народа воплощениями.

Этот образ связывает также местные автохтонные традиции с мировой культурой, с христианским миром, с древнейшими цивилизациями Востока, с началом человеческой истории, ибо он является одним из наиболее укоренённых архетипов общечеловеческого сознания. В различных вариациях женский образ Премудрости, Устроительницы, Покровительницы присутствует в мифологии, религии, культуре многих народов Земли. Это обязывает со всей серьёзностью, объективностью и вниманием отнестись к русской интерпретации Святой Софии.

Сквозной и необычайно насыщенной сложным содержанием темой проходит через всю отечественную историю образ Софии Премудрости Божией. Ни в какой иной культуре он не представлен так широко и разнообразно. Стоят посвящённые Святой Софии величественные кафедральные соборы Киева, Новгорода, Полоцка, Вологды, Тобольска. Два храма во имя Святой Софии сохранились в Москве, один из них, с высокой поздней колокольней, расположен на Софийской набережной напротив Кремля. Одновременно София предстаёт в роли особого иконографического образа во фресковой живописи, иконописи, миниатюре, шитье, пластике. Она же является центральным или одним из главных образов целого круга литературных произведений, ей посвящены возвышенные песнопения и проникновенные молитвы. Сверх того, София Премудрость выступает одной из важнейших доминант русской мысли, имеет глубокий философско-символический смысл, содержит невыразимую в категориях абстрактного мышления эзотерическую таинственность и притягательную силу.

Образ Святой Софии Премудрости восхищает своим эстетическим совершенством. В каких бы воплощениях он ни являлся: храма, иконы, литературного образа, философемы, — он неизменно сияет мерцающим отблеском высшей духовной красоты. Прекрасен лик горней Премудрости, перед которым склоняется, по убеждению древнерусских авторов, вещная, тварная, телесная красота. Многих художников прошлого вдохновлял он на создание великолепных произведений, на творческое горение, на беззаветное служение истине.

Красноречиво повествуется об этом в жизнеописании Константина-Кирилла Философа, «первого наставника и учителя славянского народа»¹, стоящего у исто-

ков не только болгарской и всей южнославянской православной, но и древнерусской культуры, издавна почитавшегося на Руси. В III главе пространного жития Константина-Кирилла паннонской редакции, приписываемого Клименту Охридскому², содержится описание многозначительного эпизода, называемого в отдельных списках «Видение» (вещий сон). Стратиг града повелел отроку выбрать себе невесту из многих красивых сверстниц, собрав их вместе. «Аз же глядав и смотрив всех, видех едину краснейшу всех, лицом светящуюся и украшену велми монисты златыми и бисером и всею красотою, ей же бе имя София, сиречь Мудрость», — говорит он родителям. Те же отвечают словами, заимствованными из Книги Притч и Премудрости Соломона, о ценности знания, о мудрости, сияющей сильнее, чем солнце³.

Обручение с Софией, столь красочно и проникновенно описанное в пророческом сне юного Константина, определило всю его дальнейшую жизнь⁴. Он восхищается своими успехами в ученье, отвергает мирские забавы, целиком сосредоточиваясь на духовной деятельности, особенно в постижении словесных наук. Юноша сам наполняется внутренней духовной красотой, которая привлекает к нему людей. Он замечен, «о красоте его, и мудрости, и прилежании в науках» узнают при дворе византийского императора, куда он призывается для получения лучшего по тем временам образования в Магнаврской высшей школе, называемой иногда Константинопольским университетом.

И вновь судьба испытывает юношу. Логофет Феоктист, занимающий высший придворный чин, предлагает Константину брак с богатой, знатной и красивой девицей, ведущий к светской карьере, — ей благоволит сам император. Константин избирает иной путь: он постригается в первый священнический чин, становясь дьяконом и патриаршим библиотекарем при Святой Софии, главном храме не только Византии, но и всего православного мира. В душе он остаётся верен своему отроческому обручению, верен своей избраннице Софии, которая незримо сопровождает его до конца жизненного пути.

Особенностью средневековых произведений, словесных и живописных, музыкальных и архитектурных, является то, что, наряду с внешним, событийным, эмпирическим, чувственно-осязаемым уровнем организации материала и пространства, они содержат внутренний, символический, чувственно не воспринимаемый, видимый лишь «духовными очами» сокровенный смысл. Сквозь словесный текст жития славянского первоучителя проступает глубоко назидательная притча о союзе человека с Мудростью: Константин родился в граде Солуни, находящемся под покровительством местного Софийского храма; приведён промыслом к Святой Софии Константинопольской, высшему духовному средоточию Византии; позднее был назван Философом, ибо не буквально (что явствует из этимологии слова), а всем своим существом возлюбил Софию, ставшую для него превыше всех благ земных. Не случайно именно Константин дал первое определение философии на славянском языке и сообщил славянской речи такие понятия (естество, свойство, сущность, природа, вселенная, закон, бытие, идея и др.), без которых немислимо развитое мышление⁵.

В славянской письменности сохранилось большое количество произведений (основная их масса — древнерусские), в которых описывается жизнь и духовный подвиг св. Константина-Кирилла, упоминается его имя вместе с именем брата Мефодия. В Похвале славянским первоучителям, по болгарскому пергаменному списку XIV в. из русского Пантелеймонова монастыря на Афоне, св. Константин по эстетической традиции, восходящей к античности, сравнивается с неутомимой пчелой, влагающей в человеческие души сладостный мёд высшего разума: «Весь мир претекова детель яко пчела, богоразумия мед пречистый в срдца влагая»⁶.

На Руси Епифаний Премудрый, описывая просветительскую деятельность св. Стефана Пермского, создавшего зырянскую азбуку, сравнивает подвижническую суть его трудов с подвигом первоучителя: «Тамо Кирил, zde же Стефан, оба сиа мужа добра и мудра быста, и равно суца мудрованием, оба одинако равны подвиг обависта...»⁷. Имя Кирилла Философа присутствует в самых ранних русских рукописях: «Остромировом Евангелии» (под 14 февраля — днём памяти), «Изборнике 1073 года» (в статье о чтении книг), «Повести временных лет» (в рассказе о моравской миссии солунских братьев). Его имя на Руси неразрывно связано с Софией Премудростью, ибо она «сзда в срдци его храмъ себе»⁸. Он же сам определил характерный для региона православной традиции *Slavia orthodoxa* тип мыслителя — не учёного схоласта, кабинетного затворника, но пламенного проповедника, просветителя, народного наставника, обращённого к людям подвижника идеи, что стало главной линией отечественного любомудрия⁹.

Столь же неотделимым от образа Софии Премудрости является в древнерусской традиции имя киевского князя Ярослава, прозванного Мудрым. Рассказ о его обширной просветительской деятельности, красочно описанный в «Повести временных лет» под 1037 г., органично переходит в восторженный гимн знанию, мудрости, книге, один из самых ярких в древнерусской литературе. В композиционный центр славянского панегирика умело вписаны слова из библейской похвалы горнему знанию: «Аз, Премудрость, вселих свет и разум и смысл аз призвах <...> Мои съвети, моя мудрость, мое утвержденье, моя крепость. Мною цесареви царствуют, а силнии пишють правду. Мною вельможа величаются и учителя держать землю. Аз любящая мя люблю, ищущи мене обрящють благодать»¹⁰.

Как воздвижение «дома Премудрости» было воспринято современниками построение Ярославом храма Святой Софии Киевской. Он же укрепил город, поставил Золотые ворота, уподобив славянскую столицу византийской. Храм как духовное средоточие, как глава града, а град как единение людей имеют в средневековой семантике особый смысл. Образ города с крепкими стенами, с вознесённым над ним храмом был символом устойчивого, ограждённого от внешних сил, устроенного на благо бытия. Этот образ широко представлен в древнерусском искусстве, разнообразно варьируясь и своеобразно накладываясь на изображения реальных городов, крепостей, монастырей Древней Руси.

Иларион в «Слове о Законе и Благодати» помещает торжественную похвалу Ярославу, которая, возможно, прозвучала впервые под сводами Св. Софии. Деяния сына Владимира, крестившего Русь и введшего её в семью цивилизованных наро-

дов, сравниваются с деяниями мудрого библейского царя Соломона, сына легендарного Давида, и прежде всего с построением им Иерусалимского храма: «Аки Соломон окончил дела Давда, иже дом Божий великий святыи Его Премудрости създа». Если раньше «тайная премудрости Божии утаена бяаху», то теперь она предстала перед новопросвещёнными русичами во всём своём величии и красоте. Духовная красота Св. Софии отражается в её сверкающем великолепии, ибо храм был украшен на диво всем народам и странам: «Всякою красотою украси, златом и серебром, и каменiemъ драгым, и съсуды честными, яже церкви дивна и власна всем округниим странам»¹¹.

Среди многих функций, выполнявшихся Киевской Софией, которая была и митрополичьим храмом, и книгохранилищем, и местом приёма послов, и пантеоном, где в мраморном саркофаге был погребён её строитель Ярослав Мудрый, она играла роль сокровищницы искусств в их органическом синтезе. То, что сейчас раздельно представляют театр, музей, картинная галерея, филармония, было объединено единым действием храмового служения. Если вспомнить о раздававшемся под сводами Св. Софии пении, о торжественно звучащих проповедях, о таинственно мерцающих мозаиках и дымчато проступающих фресковых росписях, о многоцветных иконах, переливающихся одеяниях, многоценной утвари, об облачённых в оклады книгах, об особой обонятельной атмосфере и всё это соотносить с внутренней и внешней организацией пространства, с искусной обработкой использованных материалов, то можно представить, какое мировоззренческое и эстетическое воздействие производила на древнерусских людей София, высившаяся посреди Киева как бесценный палладиум, игравший для славянской столицы не меньшую роль, чем Парфенон для древних Афин или Св. София для Константинополя.

В своё время русским людям, посещавшим Константинопольскую Софию, казалось, что они пребывали на небесах, так сильно было воздействие этого храма¹². «И придохом же в Греки, и ведоша ны, идеже служить Богу своему, и не свемы, на небе ли есмы были, ли на земли: несть бо на земли такого вида ли красоты такая...». Теперь подобные святилища появились на Руси, сначала в Киеве, затем в Чернигове, Новгороде, Смоленске и других городах. Сеть софийских храмов покрывала греческие и славянские земли, они украшали Солунь, Мистру, Никею, Трапезунд, Охрид и другие города греко-славянского православного мира. В честь древнего храма Света София получила своё имя новая болгарская столица.

Образ Премудрости явился новопросвещённым древнерусским людям и со страниц переведённых книг, прежде всего канонических. Апостол Павел, говоря об иудеях, ждущих чудес от новой христианской веры, и об эллинах, ищущих от неё премудрости, называет Христа «Божией Премудростью» (1 Кор. 1: 24). Смысл этой Премудрости сокровен и непостижим. По его словам, «Мудрость же мы проповедуем между совершенными, но мудрость не века сего и не властей века сего преходящих. Но проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей» (1 Кор. 2: 6–7).

Наряду с первоначальным отождествлением в христианстве Премудрости с Христом как Логосом, божественным Словом, имеются иные её трактовки: как

одного из божественных свойств, как самого христианского вероучения, как риторской премудрости слова у того же апостола Павла, как одного из служебных духов, «духа премудрости и разума» у пророка Исаяи (Ис. II: 2), или как Богородицы. Полисемантика, сложность и несовпадающие трактовки изначального смысла этого общечеловеческого архетипа заставляют хотя бы вкратце осветить историю его возникновения, вскрыть генезис наслоившихся на него восточных и античных мифологем¹³.

Впервые термин σοφία встречается у Гомера в «Илиаде» (песнь 15, ст. 410–413) как мудрость, проистекающая от Афины Паллады. Родившаяся из головы Зевса, девственная прекрасная богиня предстаёт как «многодаровитая мать художеств», устроительница и защитница городов, «Градодержица» (Πολιουχος). Божественной мудростью именуется Софию Платон (Федр, 278). Категориальный анализ Мудрости как знания первопричин и сущности даёт Аристотель (Метафизика, 983 А 24–25; 995 В 10–13). Понятие Софии осмыслили Демокрит, Пифагор, Филолай, Прокл и многие другие эллинские мыслители.

Кроме античного влияния, на формирование средневекового образа Софии существенное персонифицирующее воздействие оказала ветхозаветная мифологема Премудрости. В наиболее философичной части Библии, которую иногда называют «премудростной» (Книга Премудрости Соломона, Книга Притчей Соломоновых, Книга Премудрости Иисуса сына Сирахова, Екклесиаст)¹⁴, проступает менее абстрагированный в сравнении с греческим, более чувственно воспринимаемый, личностный, интимный (в духовно-возвышенном значении этого слова) облик Премудрости. Именно здесь возникает мотив обручения с мудростью, и связан он с юным Соломоном. Попросив у Бога во сне даровать ему «сердце разумное», юноша получает великий дар прозрения в суть вещей, понимание прекрасного и благого устройства бытия. Соломон воздвигает грандиозный Иерусалимский храм, который станет прообразом софийских храмов Средневековья. Его перу приписывают две премудростные книги, Песнь Песней, Екклесиаст, ряд других творений; с его именем связаны справедливые суды и чаша с таинственными письменами, содержащими пророчество о Христе¹⁵.

Подлинным гимном Мудрости звучат древние библейские строки:

Главное — мудрость: приобретай мудрость,
и всем именем твоим приобретай разум,
высоко цени её, и она возвысит тебя;
она прославит тебя, если ты прилепишься к ней;
Возложит на голову твою прекрасный венок,
доставит тебе великолепный венец.

(Притч. 4: 7–9)

Библейский царь Соломон стал олицетворением восточной мудрости в Средние века. На одной из ранних русских фресок начала XII в. в барабане центральной главы Новгородского Софийского собора Соломон изображён в царском облачении со свитком в правой руке, где начертаны слова: «Премудрость създа себе храм и

утверди стлѣп семь и посьла своя...»¹⁶. На сюжет построения Премудростью своего обиталища — дома или храма — создано немало произведений литературы и искусства, в том числе в Древней Руси. Они опираются на строки девятой главы той же книги:

Премудрость построила себе дом,
вытесала семь столбов его,
Заколола жертву, растворила вино своё
и приготовила трапезу;
Послала слуг своих
провозгласить с возвышенностей городских:
Кто неразумен, обратись сюда!
И скудоумному она сказала:
Идите, ешьте хлеб мой
и пейте вино, мною растворённое;
Оставьте неразумие,
и живите, и ходите путём разума.

(Притч. 9: 1–6).

Образ духовной трапезы, созвучный платоновскому «Пиру», предстаёт как чувственно осязаемый пир души, с веселием насыщающейся незримыми благами. Мирской аспект этой сцены отходит на второй план, явственно же проступает сокровенный смысл причащения хлебом и вином высшей мудрости, который войдёт в таинство Евхаристии, сложившееся под влиянием древнего восточного обычая преломления хлеба и вкушения вина, но в ином эзотерическом христианском смысле.

Почитание Мудрости как царствующей персоны, освящённой свыше и причастной к самым сокровенным тайнам бытия, уходит своими истоками дальше на Восток. Верховное божество иранской мифологии Ахурамазда («Господствующая мудрость»), изображаемое в крылатом солнечном диске (напоминающем круги «славы» в древнерусской иконописи), имело 7 ангелообразных женственных божеств, среди которых выделяется Аша Вахишта — Истина, покровительница огня. Возможно, отсюда проистекает традиция изображения Св. Софии в иконописи с огненным ликом и огненными крыльями в новгородской иконографии. Становится ясным и то, почему Персидское государство в некоторых древнерусских источниках именуется как «Софийское»¹⁷.

На византийской почве в рамках христианской идеологии происходит соединение античного образа Софии, связанного с Афиной Палладой, и библейского образа Премудрости; складывается новая интерпретация одного из глубинных общечеловеческих архетипов — прекрасной, девственной, благоустраивающей, царственной Премудрости. В спорах с гностическими сектами, с арианами, с монофизитами выкристаллизовывалась византийская софиология. Она опиралась на труды Оригена, Афанасия Александрийского, Григория Нисского, Максима Исповедника и других авторитетов.

Особенно важен вклад Дионисия Ареопагита в выработку восточнохристианского понимания Софии. Именно он убедительно обосновал необходимость добавления трансцендирующей приставки к имени Мудрости — *υπερ*, «сверх», в старославянском языке — «пре». Мудрость человеческая и горняя Премудрость были ясно осознаны в своей соотнесённости. Перевод корпуса «Ареопагитик», законченный в 1371 г. иноком Исайей, появившись на Руси, стал одним из основных философско-эстетических и софиологических трактатов.

В опубликованном Г. М. Прохоровым «Послании Титу-иерарху» из корпуса «Ареопагитик» по сербскому списку XIV в., древнейшему из сохранившихся славянских (с комментариями Максима Исповедника), София Премудрость предстаёт промыслом совершенным, «иже бытию и благобытию всех виновных, и на все проходить, и въ всячьских бывает, и объемлеть вса»¹⁸.

Сложна и разнообразна иконография Софии Премудрости. Сложна потому, что невозможно исчерпывающе выразить художественно-пластическими средствами столь непростой архетип. Старая проблема выражения идеального через материальное вновь предстаёт здесь во всей остроте. Разнообразен же лик Софии Премудрости в искусстве ввиду различных её трактовок и отсутствия канонически утверждённого и нормативно закреплённого изображения (в отличие, скажем, от иконографических канонов Христа и Богородицы). Строгого канона в изображении Софии Премудрости не было ни в Византии, ни на Балканах, ни на Руси.

Согласно древним сказаниям, первое изображение в Константинопольском храме отразило отождествление её с Логосом, Спасом, Иисусом Христом. Как сообщается в одном из наиболее ранних русских источников XII в.: «Оттоле же прият таковое наречение (о) церкви: (да) имянуется святая София Слово Божие, нареченное от ангела Господня»¹⁹. София здесь была представлена в виде ангела Великого Совета, среднего — в изображении ветхозаветной Троицы.

Ф. И. Буслаев считал это изображение сходным с лаконичным обликом Спаса Вседержителя на миниатюре лионской рукописи Психомахия Пруденция, содержащей изображение Христа с книгой в руке и надписью «*Sancta Sophia*»²⁰. Ангел, изображающий Софию, получил иконографические атрибуты Христа: царско-архиерейское облачение и крестчатый нимб, дабы выделить его среди иных. В несохранившейся росписи Золотой палаты Московского Кремля было изображение «Спаса на херувимах» с подписью «Премудрость ИС ХС». Показательно, что в ряде литературных памятников Новгородский и Полоцкий храмы в честь Премудрости называются мужским именем Софей, это, в частности, отразилось и в наименовании софиологического сочинения Зиновия Отенского²¹.

Первой софийной иконой на Руси, возможно, стал древний образ новгородского храма византийского письма (из Корсуни) или написанный при построении каменного здания храма, но тоже «греческого перевода». Безусловно, какая-то софийная икона должна была иметься и в киевском храме, посвящённом Софии Премудрости, но о ней не сохранилось никаких сведений, а стоящая сейчас в иконостасе икона Св. Софии Киевской относится ко времени Петра Могилы.

Именно Новгород стал центром софийной иконографии на Руси. Возрождение интереса к образу Св. Софии связано с деятельностью митрополита Макария, будущего главы русской церкви при Иване Грозном, известного своими культурно-просветительскими мероприятиями. Он сам был иконописцем и, возможно, принял участие в разработке композиции, называемой Новгородской Софией.

В законченном виде новгородский вариант иконы Св. Софии представляет собой усложнённую и полную глубокого символического смысла композицию. В центре на престоле восседает в царском одеянии огненноликий и огненнокрылый ангел с венцом на главе, жезлом в правой и свитком в левой руке. Ему предстоят (как в деисусном чине) слева Богоматерь с круглым медальонным изображением Эммануила в руках и справа Иоанн Предтеча с хартией в левой руке и прижатой к груди правой. Тёмная, со звёздами, иссиня-чёрная «слава», на фоне которой восседает София Премудрость Божия, придаёт ей космически-вселенский характер. Над главой ангела поясное изображение Христа, над ним шесть симметрично расположенных ангелов со «свитком неба» в руках, а между ними на уготованном престоле золотистого цвета книга с красным обрезаем²². Иногда эта композиция дополняется припадающими к подножию престола фигурами новгородских святых Никиты и Иоанна, других новгородских святых в клеймах иконы, причём все они развёрнуты к центру композиции и стоят с воздетыми руками.

Каждая деталь, особенно в изображении крылатого ангела, имеет свою символику, которая толкуется по одной из древнерусских рукописей таким образом: имеет над собой Христа, ибо Он «главо мудрости»; лик огненный потому, что огнём божественным опаляет «страсти тленныя, просвещая же душу чисту»; венец царский означает, что «смирненная <...> мудрость царствует страстем»; одеяние и скипетр знаменуют «образ старейшинства и святительства», «властелинский сан»; свиток «в шюйце», свёрнутый и прижатый к сердцу, содержит «неведомые съкровенные тайны, рекше преданная писания видети»²³. Весь образ пронизан вселенским, космическим смыслом.

Макарий, став митрополитом всея Руси, перенёс новгородский культ Софии Премудрости на московскую почву. Её изображение появляется во всех главных соборах Московского Кремля: икона в Благовещенском соборе, наружная фреска в полукружии закомары над жертвенником Успенского собора, фреска в алтаре Архангельского собора над горним местом. «Представляется не случайным то обстоятельство, что в Кремле три известные софийные изображения расположены в алтарной части храмов <...>, где совершается главнейшее христианское таинство — Евхаристия»²⁴.

Шестнадцатый век в русской культуре стал временем наибольшего распространения образа Софии Премудрости на Руси. Не только в центре, но и по многим городам, сёлам, монастырям начинается распространение иконографии Софии Премудрости, строительство посвящённых ей храмов, переписывание старых и создание новых софиологических литературных сочинений. Когда Иван Грозный задумал перенести столицу на Север, в Вологду, он повелел выстроить грандиозный Софийский собор по образцу московского Успенского. В несохранившемся костромском

кафедральном Успенском соборе были интересные росписи в притворе и на наружной стене алтаря с изображениями Софии Премудрости. В вологодской церкви Св. Георгия обнаружил икону Святой Софии известный искусствовед Г. Н. Лукомский²⁵. Эти примеры можно умножить, они свидетельствуют о широком распространении данного образа по всей территории России, начиная с эпохи Ивана Грозного.

Кроме того варианта «софийной» иконографии, который принято называть новгородским, выделяют ещё три: киевский, ярославский (холмогорский) и композицию «Премудрость созда себе дом». Если в новгородской иконографии София Премудрость предстаёт в образе крылатого ангела, то в киевской — как Богородица, в ярославской — как Церковь, а в последней композиции — как символическое изображение Евхаристии.

Киевская Св. София, изображение которой сохранилось в иконостасе, имеет сложную композицию, где многократно подчёркивается символическое значение семерицы. Богоматерь, в образе Оранты, стоит на полумесяце в центре кивория, символизирующего семистолпный храм, к которому ведут 7 ступеней с 7 стоящими на них пророками и святыми отцами и над которым в небесах проступают поясные фигуры 7 ангелов. В ярославской иконе вместо Богоматери изображён престол с распятием под киворием и несколько иная композиция, о которой можно судить по фреске церкви Иоанна Златоуста в Ярославле²⁶.

Если киевская и ярославская (иногда называемая «крестной») иконографии Св. Софии сравнительно поздние и малораспространённые, то композиция «Премудрость созда себе дом» является древней и известной по многим памятникам. (К слову сказать, киевская и ярославская иконы тоже могут трактоваться как разновидности этой композиции.)

Сюжет «Премудрость созда себе дом» пришёл на Русь с Балкан, хотя и имеет византийский прототип²⁷. Древнейшее из сохранившихся изображений относят к 1295 г., и представляет оно фреску в церкви Климента в Охриде. В нескольких сербских, македонских, болгарских храмах есть фрески на этот сюжет. «Совершенно очевидна связь темы Премудрости с литургическими песнопениями и таинствами литургии»²⁸. Самое раннее древнерусское изображение 1363 г. имелось в церкви Успения на Волотовом поле близ Новгорода, разрушенной в годы последней войны. Одно из наиболее красочных и развёрнутых изображений данного сюжета присутствует в иконе конца XV в. из Кириллова монастыря возле Новгорода, хранящейся ныне в Государственной Третьяковской галерее²⁹.

Икона двухчастная. Внизу слева изображена Премудрость с восьмиконечным нимбом в белом хитоне, восседающая на семистолпном седалище с чашей, символом Евхаристии, в левой руке и жезлом в правой. Она обрамлена пятью кругами «славы». В правом верхнем углу — сидящая Богоматерь с Младенцем. Между Премудростью и Богоматерью развёртывается динамическое действие: семь слуг, символизирующих апостольское служение, протягивают чаши семи устремляющимся к ним юношам. Вверху из храма свешивается фигура царя Соломона со свитком, справа ей противостоит Иоанн Дамаскин, также со свитком. Внизу — престол с «уготованной трапезой». В верхней части иконы помещено изображение мону-

ментального храма, где на фоне палат представлены 7 Вселенских соборов. Над храмом семь кругов с ангелами, изображающими 7 духов пророка Исаяи³⁰.

Заканчивая краткое рассмотрение иконографии Софии, следует заметить, что она воплощена не только во фресках, иконописи, миниатюрах, но также в мелкой пластике (костяной складень из Ипатьевского монастыря, деревянный образок из коллекции А. С. Уварова), шитье (хоругвь из Никитского храма в Новгороде, новгородская пелена в ГИМе), сфрагистике (изображение на печатях новгородских архиепископов). Возможны и другие воплощения возвышенного образа Софии Премудрости.

Многообразны памятники литературы и письменные источники, в той или иной степени посвящённые теме Софии. Уже в составе Изборника 1073 г. содержится статья Ипполита в редакции Анастасия Синаита, где истолковывается IX притча Соломона, положившая начало иконографии «Премудрость созда себе дом»³¹. Значение этого византийского источника подчеркнул А. Амман³². Притча и толкование на неё, известные в нескольких редакциях, привлекали внимание Климента Смолятича, Кирилла Туровского, Иосифа Волоцкого, Зиновия Отенского, Иоанникия Лихуда, Семёна Шаховского и многих других средневековых мыслителей и писателей. Эта же тема развивалась в гимнографических творениях, какими являются канон на великий четверг Косьмы Майюмского, пасхальный канон Иоанна Дамаскина, стихиры на преполовление, служба на начало индикта. В особом каноне, посвящённом Св. Софии и хранившемся в одноимённом московском храме, поставленном близ Пушечного двора, содержатся такие взволнованные строки: «Всем сердцем взыщем Премудрость <...> Дар благ дает нам София <...> и путем правым тещи наставляет нас, аще течем путем тем — не запнемся, и сохраняем себе в живот вечный»³³.

Если же брать тему Премудрости во всех её проявлениях и во множестве близких ей понятий, то редкий древнерусский автор в той или иной мере не касался Софии, ибо сам тип мышления и мировоззрения того времени содержал софийный элемент. С первых и до последних лет жизни человек соприкасался с образом Софии, в храме во время литургии перед ектенией он слышал возглас: «Премудрость вонмем» («внимаем Премудрости»). Совпадение же имени христианской св. мученицы Софии с именем Премудрости порождало ассоциативную связь имён трёх дочерей — Веры, Надежды, Любви — с христианскими добродетелями³⁴.

Интересны многочисленные интерпретации Софии, её атрибутов, связанных с ней имён и понятий в древнерусских лексикографических словарях, прежде всего в Азбуковниках, возникших не без влияния такого энциклопедически образованного филолога, богослова и философа, каким был Максим Грек³⁵. Существуют как краткие объяснения лексемы София: «София (греч.) — премудрость»³⁶, так и пространные, вроде истолкования новгородского варианта Софии³⁷.

И, наконец, образ Софии имеет важное значение для понимания древнерусской философии и эстетики, ибо он в совершенных произведениях искусства выразил нерасторжимое единство мудрости и красоты. Тот вдохновенный платоновский эрос, который побуждал античную мысль стремиться к горнему знанию

как высшему выражению прекрасного, проник через византийское посредничество на Русь и послужил мощным творческим импульсом в становлении древнерусской мудрости. Эта антисхоластическая традиция глубоко укоренилась в отечественной культуре и создала развитые формы философствования, неотделимые от словесного и изобразительного искусства. Русская мысль наилучшим образом выражала себя в искусстве и литературе во все века. Эта тенденция эмоционально-эстетического понимания мудрости прослеживается и в европейской культуре, в частности в августинизме: «Мудрость отождествляется Августином с красотой и возводится в создатели как философии, так и науки “любви к прекрасному” — филокалии»³⁸.

При всей своей духовной утонченности образ Софии Премудрости являлся не отвлечённым символом, но одной из важных доминант социальной практики в древнерусском обществе. Храм Святой Софии Киевской был не только сакральным средоточием, палладиумом Древней Руси, но и её общественно-политическим центром, ибо в нём происходили важнейшие государственные церемонии: приём послов, оглашение документов, обсуждение важнейших вопросов внутренней и внешней жизни. Новгородская Св. София выступала зримым символом независимости феодальной республики: «Где святая София, тут и Новгород». Группированный вокруг кафедрального собора «политический и хозяйственный комплекс», называемый «домом Св. Софии», играл роль организующего ядра всей общественной жизни средневекового Новгорода³⁹. Для укрепления политического единства Российского государства в XVI в. при Иване Грозном утверждается культ Софии Премудрости в Москве и потом централизованно распространяется по всей Руси. Строительство Софийского собора в Тобольске, ставшем центром русской колонизации в Западной Сибири, имело цель духовно-практического освоения вошедших в состав расширявшего свои пределы государства новых земель.

Тема Софии Премудрости, пройдя через всю историю допетровской Руси и получив разнообразные формы своего бытия на благодатной древнерусской почве, перешла впоследствии в отечественную культуру Нового времени. Она проступает в творчестве многих философов XVIII–XIX столетий. В начале XX в. вместе с интересом к древнерусской живописи и архитектуре усиливается интерес к теме Софии. Начинает издаваться специальный журнал «София»⁴⁰, создаются новые произведения искусства на тему Премудрости, например, колоритный образ Св. Софии новгородского типа в иконостасе Троицкого собора Почаевской лавры, построенного архитектором А. В. Щусевым накануне Первой мировой войны. Сейчас вновь пробуждается интерес к теме Софии Премудрости, о чём свидетельствует ряд публикаций последних лет и новые произведения сакрального искусства, ей посвящённые.

¹ Сказания о начале славянской письменности. М.: Наука, 1981. С. 75. (Следует заметить, что св. Кирилл почитается с братом св. Мефодием и в католическом мире. Вместе со св. Бенедиктом Нурсийским он, согласно одной из папских энциклик, признаётся за патрона всей христианской Европы.)

² *Климент Охридски*. Събрани съчинения. Пространни жития на Кирил и Методий. София: Изд-во на Българ. акад. на науките, 1973. Т. 3.

- ³ Рукопись XV в. // РГБ. Ф. МДА. № 19. Л. 366.
- ⁴ III глава пространного жития Кирилла-Константина проанализирована итальянским славистом Анжелло Данти в статье «Духовный путеводитель святого: от мудрости к Премудрости»: *Danti A. L'itinerario spirituale di un santo: dalla sagesse alla Sapienza. Note sul cap. III della vita Constantini* // Константин-Кирилл Философ. Материалы от научной конференции по случаю 1150-годовщины от рождения мученика. София: Изд-во на Българ. акад. на науките, 1981. С. 37–58.
- ⁵ *Sevcenco J. The definition of philosophy in the Life of Saint Constantine* // For Roman Jacobson, essays on the occasion of his sixtieth birthday. The Hague, 1956. P. 449–457.
- ⁶ *Александров А. И.* Служба святым славянским апостолам Кириллу и Мефодию в болгарском списке XIV века. Варшава, 1893. С. 7.
- ⁷ *Епифаний Премудрый.* Повесть о Стефане Пермском // Памятники старинной русской литературы, издаваемые Г. Кушелевым-Безбородко. СПб.: Современник, 1862. Вып. 4. С. 151.
- ⁸ *Климент Охридский.* Похвала Кириллу Философу // *Ундольский В. М.* Климент епископ Словенский. М.: ОИДР, 1895. С. 45.
- ⁹ *Громов М. Н.* Образы философов в Древней Руси. М.: ИФ РАН, 2010.
- ¹⁰ Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века. М.: Худож. лит., 1978. С. 177.
- ¹¹ *Молдован А. М.* «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев: Наукова Думка, 1984. С. 97.
- ¹² Повесть временных лет. С. 122. Красота как аргумент, как свидетельство, как высший довод занимает в русской традиции особое место. Если есть в мире тварная красота, значит, есть Творец её; если есть «Святая Троица» Андрея Рублева, значит, есть Бог.
- ¹³ Теме Софии Премудрости посвящена обширная библиография, имеющаяся в исследованиях русских дореволюционных (Н. П. Кондаков, Ф. И. Буслаев, Е. Н. Трубецкой, П. А. Флоренский) и современных (А. В. Арциховский, В. Н. Лазарев, В. Г. Брюсова, С. С. Аверинцев), зарубежных (А. Амман, Л. Будде, Э. Вейцман, А. Грабар, О. Демус, Л. Прашков) исследователей.
- ¹⁴ См.: *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М.: Синодальная тип., 1855. Отд. 1: Священное Писание. С. 9 (по особой статье, заимствованной из Вульгаты).
- ¹⁵ *Farber R. König Salomon in der Tradition.* Wien: Schönesinger, 1902. О влиянии ветхозаветной премудростной традиции на новозаветную см.: *Lips H. von. Weisheitliche Traditionen im Neuen Testament.* München: Neukirchen-Vluyn, 1990.
- ¹⁶ *Лазарев В. Н.* Византийское и древнерусское искусство. М.: Наука, 1978. С. 140–145.
- ¹⁷ Книга глаголемая Козмография, сиречь описание сего света земель и государств великих. СПб.: ОЛДП, 1878–1881. С. 333.
- ¹⁸ *Прохоров Г. М.* Послание Титу-иерарху Дионисия Ареопагита в славянском переводе и иконография «Премудрость созда себе дом» // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1985. Т. XXXVIII. С. 34.
- ¹⁹ Сказание о Святой Софии Цареградской // Памятники древней письменности и искусства. СПб.: ОЛДП, 1889. Вып. 78. С. 13.
- ²⁰ *Буслаев Ф. И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб.: Кожанчиков, 1861. Т. 2. С. 296.
- ²¹ *Зиновий Отенский.* Сказание известно, что есть Софей Премудрость Божия // Вестник общества древнерусского искусства. 1874. Вып. I.
- ²² Квалифицированное искусствоведческое описание иконы Св. Софии Новгородского извода XVI в. из собрания П. Д. Корина см.: *Антонова В. И.* Древнерусское искусство в собрании Павла Корина. М.: Искусство, 1966. С. 58 (№ 36).

- ²³ Фрагмент «София Премудрость Божия» в рукописи XVII в. // ГИМ. Син. № 70/238. Л. 406 – 406 об.
- ²⁴ Яковлева А. И. «Образ мира» в иконе София Премудрость Божия» // Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции. М.: Искусство, 1977. С. 395. (В последнее время А. И. Яковлева выдвинула концепцию о более раннем происхождении так называемого Новгородского извода Софии Премудрости на московской почве и о его переносе в дальнейшем в Новгород.)
- ²⁵ Лукомский Г. К. Вологда в её старине. СПб.: Сев. кружок люб. изящ. иск., 1914. С. 108.
- ²⁶ Брюсова В. Г. Фрески Ярославля XVII – начала XVIII века. М.: Искусство, 1983. С. 140.
- ²⁷ Meyendorff I. L'iconographie de la Sagesse divine dans la tradition byzantine // Cahiers archeologiques. Paris, 1959. X. P. 273.
- ²⁸ Прашков Л. Хрелева башня Рильского монастыря и ее стенопись // Древнерусское искусство. Зарубежные связи. М.: Искусство, 1975. С. 157.
- ²⁹ Антонова В. И., Мнева Н. Е. Каталог древнерусской живописи (Государственная Третьяковская галерея). М.: Искусство, 1963. Т. II. С. 25.
- ³⁰ Сидорова Т. А. Волотовская фреска «Премудрость созда себе дом» и её отношение к новгородской ереси стригольников в XIV в. // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1971. Т. XXVI. С. 213–214.
- ³¹ Брюсова В. Г. Толкование на IX притчу Соломона в Изборнике 1073 г. // Изборник Святослава 1073 года: сб. ст. М.: Наука, 1977. С. 292–306.
- ³² Amman A. Darstellung und Deutung der Sophia im Vorpetrischen Russland // Orientalia Christiana periodica. Roma, 1938 (IV). P. 129–156.
- ³³ Флоренский П. Служба Софии Премудрости Божией. Сергиев Посад: Троице-Сергиева лавра, 1972. С. 8.
- ³⁴ Показательно объединение в одном произведении искусства — трёхстворчатом складне начала XVII в. — строгановских писем новгородского образа Софии и изображения Софьи с дочерьми Верой, Надеждой, Любовью (Антонова В. И. Древнерусское искусство в собрании Павла Корина. С. 88–89, № 66).
- ³⁵ Карпов А. Азбуковники или алфавиты иностранных речей по спискам Соловецкой библиотеки. Казань: Тип. имп. ун-та, 1877. С. 219–220.
- ³⁶ Рукопись XVII в. // РГБ: Пискарь. № 197. Л. 135. Здесь же объясняется значение однокоренных лексем «софос», «софее», «софист».
- ³⁷ Рукопись XVII в. // РНБ. Солов. № 20/30. Л. 90 об. – 92 об.
- ³⁸ Бычков В. В. Эстетика Аврелия Августина. М.: Искусство, 1984. С. 49.
- ³⁹ Тихомиров М. Н. Русская культура X–III вв. М.: Наука, 1968. С. 185–199.
- ⁴⁰ «София» // Журнал искусства и литературы. М., 1914. № 1–6. Издавался К. Ф. Некрасовым под ред. П. П. Муратова.